

«ДЕНЬГИ НЕ ДОЛЖНЫ МЕШАТЬ ЗАНИМАТЬСЯ СВОИМ ДЕЛОМ»

В октябре Государственный симфонический оркестр «Новая Россия» дал большой концерт в Кремле с Дианой Арбениной и рок-группой «Ночные снайперы». О своем отношении к рок-культуре, о том, как зарабатывает деньги и во что инвестирует, рассказал художественный руководитель и главный дирижер «Новой России», альтист Юрий Башмет.

Юрий Абрамович, не припомните, как заработали свои первые деньги?

— Точно не воровством, но... маленькой неправдой. Я был тогда школьником. Учился на скрипке и альте в музыкальной школе. В глазах родителей был во всех отношениях примерным мальчиком. За исключением одного небольшого «но» — я увлекался гитарой. Моя мама знала о моем увлечении, но, поскольку я был, в ее понимании, примерным мальчиком и в музыкальной школе шло все хорошо, она закрывала на него глаза. У нас с друзьями был свой ансамбль. Гитара была мне тогда по сердцу, а занятия в музыкальной школе моему увлечению помогали. То было время повального увлечения «Битлз». Город Львов, где я тогда жил, выражаясь современным языком, в 60-е был очень продвинут и тяготел к европейской культуре. Подчеркну, европейской, даже не американской, культуре. Кроме «Битлз», которых мы считали богами, восхищались восточноевропейскими музыкантами, в числе которых, помню, был такой Чеслав Немен, чьей манере никто даже не пытался подражать. У нас во Львове тоже было несколько довольно сильных рок-коллективов...

— Вокально-инструментальных ансамблей по советской терминологии?

— Скорее — инструментальных. Пели мы тогда мало. Что до меня, то я однажды сорвал голос и дальше петь почти не пытался. А вот играли мы с удовольствием. Был такой человек — Юрий Шарифов, он нам предоставлял инструменты, и мы устраивали репетиции и джем-сейшены. Обычно Львов был последним городом больших гастролей по Советскому Союзу, после концертов группы устраивали джем-сейшен с местными музыкантами, то есть с нами. В городе я был на хорошем счету, поскольку техника игры на скрипке развивала и мою технику игры на гитаре. Меня приглашали — мы соревновались. По очереди брали гитары и импровизировали. Помню, на одном из таких состязаний был покороен фантастическим выступлением одного белоруса. Спустя годы встретились за ужином с ним после концерта в Таллине, им оказался Владимир Мулявин... Но я увлекся, вы же, кажется, о деньгах спросили?!

— Да.

— Так вот, кроме таких творческих джем-сейшенов мы вполне регулярно играли на танцах, нас приглашали на дни рождения, в рестораны. Эту часть жизни я от мамы скрывал. Это было то, против чего мама моя внутренне протестовала. Выходило, что я обманывал ее: возвращаясь в час ночи, говорил, что был на дне рождения у подружки моей подружки, потом — у брата подружки или еще у кого-то.

— И сколько же вы зарабатывали на таких выступлениях?

— Если выходило по десять рублей за концерт на человека — было очень хорошо. Так бывало редко. Чаще — рублей по пять. Но случались и совсем удачные дни, когда играли в ресторанах и нам заказывали песни. Иногда — раз по восемь, а то и все десять одну и ту же. У нас в репертуаре было несколько украинских песен. Самая знаменитая — «Червона рута», ну и популярные советские вещи. Я слов не знал, зато у брата был целый рукописный журнал со всеми песнями, которые только могли прийти в голову заказчикам. Однажды у нас был курьезный случай. Очень подвыпивший клиент подошел, протянул 25 рублей — немислимые по тем временам деньги за заказ — и попросил исполнить «Балтийское море». Брат мой перевернул весь свой талмуд: ну нет такой песни! А деньги мы уже взяли, человек уже отошел от сцены. Тогда мы пошли на хитрость. Взяли простейшую тональность — ля минор. Я стал импровизировать на гитаре по классическому квадрату на трех аккордах, а брат на ходу придумывал слова: «Балтийское море. Волны шумят», и все в том же духе. Получилось очень складно — с красивой кульминацией и финалом. Заказчику очень понравилось. Мы потом очень долго эту историю вспоминали и смеялись.

— Что на эти деньги можно было купить?

— Ну представьте себе для сравнения, что мороженое «Эскимо» стоило тогда 11 копеек. Я любил пирожки с мясом — по четыре копейки, а по десять копеек — уже совсем не сермяжные...

— Это то время, когда на полтора рубля можно было пообедать в ресторане?

— Да.

— То есть это действительно были немалые деньги. На что же вы их тратили?

— По мелочи. На еду, на подарки к праздникам. До 18 лет ничего серьезного я не покупал. А уже когда в 1971 году переехал в Москву и мне нужно было покупать инструмент, на котором, кстати, играю до сих пор (альт миланского мастера Паоло Тесторе (1758). — «Деньги»), мне понадобилось 1,5 тыс. руб.

— По тем временам, наверное, цена автомобиля?

— Я вам точнее скажу. На тот год это было чуть меньше половины цены «Запорожца», который стоил тогда 3,5 тыс. Но этих 1,5 тыс. у меня не было. Было 500, что удалось скопить с тех концертов в ресторанах. Пятьсот рублей подарил дедушка, а пятьсот мой папа одалживал у родственников и потом с большим трудом больше года отдавал.

— То есть о ваших заработках тогда родители уже знали?

— Под конец учебы в школе был один случай, когда у мамы не оказалось рубля, чтобы дать мне на обед в школу. Когда я увидел, как она носится, ищет деньги по карманам и собирается пойти одалживать у соседей, у меня не выдержали нервы и я ей обо всем рассказал.

— Как она среагировала?

— Удивительно просто. Первое, что сказала: давай только папе не будем говорить. Потом предложила распорядиться этими деньгами разумно. Она знала, что мои сверстники, собираясь поступать, занимались с платными репетиторами, — это требовало больших средств. И мы решили, что на заработанные игрой на гитаре деньги тоже возьмем частных репетиторов. В результате на вступительном экзамене в Московскую консерваторию со сложнейшей музыкальной задачей, на которую отводился час, я справился за минуту. Оставшееся время тайно отсылал варианты задачи другим поступающим. Меня за это могли вмиг снять с экзамена, но этого не сделали. Я же не знал тогда, что за-втрафедрой альта Вадим Васильевич